

Итак, мотив отчуждения, доминирование деспотизма в человеческих отношениях, нагнетание деталей, связанных с мотивами скуки, тоски, связь пространственных образов с представлениями о нижнем мире придают образу степи хтонический характер. Намеченная уже в начале рассказа ситуация перехода до конца не реализуется, поскольку собственно традиционный переход через степь не произошел. Мотив перехода преобразовывается в мотив поглощения, и героиня совершает переход в пространство степи, в мир небытия. Если переход в другой мир со сменой статуса означает новый виток в развитии героя, то здесь происходит история драматического примирения с реальностью.

Так соединение образов степи и родного угла становится контрапунктом рассказа и рождает его парадоксальный, неожиданный смысл.

Литература

1. Агапкина Т.А. Угол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М. : Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С. 341–345.
2. Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: антропология болезней в средние века. СПб. : Алетейя, 2004.
3. Громов М.П. Книга о Чехове. М. : Современник, 1989.
4. Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 2006.
5. Пахомов Дж. Литературный пейзаж у Пушкина и Чехова // Чеховиана. Чехов и Пушкин. М. : Наука, 1998. С. 66–71.
6. Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск : Изд-во ТГУ, 2001.
7. Чехов А.П. В родном углу // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1977. Т. 9. С. 313–324.

* * *

1. Agapkina T.A. Ugol // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar : v 5 t. M. : Mezhdunar. otnosheniya, 2012. T. 5. S. 341–345.
2. Arnautova Yu.E. Koldunyi i svyatyie: antropologiya bolezney v srednie veka. SPb. : Aleteyua, 2004.
3. Gromov M.P. Kniga o Chehove. M. : Sovremennik, 1989.
4. Larionova M.Ch. Mif, skazka i obryad v russkoy literature XIX veka. Rostov n/D. : Izd-vo RGU, 2006.
5. Pahomov Dzh. Literaturnyy peyzazh u Pushkina i Chehova // Chehoviana. Chehov i Pushkin. M. : Nauka, 1998. S. 66–71.

6. Razumova N.E. Tvorchestvo A.P. Chehova v aspekte prostranstva. Tomsk : Izd-vo TGU, 2001.

7. Chehov A.P. V rodnom uglu // Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 30 t. M. : Nauka, 1977. T. 9. S. 313–324.

Paradoxes of the fiction space in the story by A.P. Chekhov “In the Native Home”

The space images of the story “In the Native Home” are regarded in the folklore and mythological aspect. The ambivalent meanings of “steppe” and “native home” start unexpected relations forming not only the fiction space of the story but also its composition and sense. The character of the story is absorbed with the steppe and lead into a deadlock. Hopes for a better life do not come true. That makes her dramatically accept the reality.

Key words: Chekhov, fiction space, steppe, home, native home, myth poetics.

(Статья поступила в редакцию 27.06.2014)

А.Х. ГОЛЬДЕНБЕРГ
(Волгоград)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ И.Д. САЗАНОВА 1920–1930-х гг.

Проблема «человек и природа» рассматривается как доминанта творчества И.Д. Сазанова 1920 – 1930-х гг. Анализируется литературная специфика научно-художественных книг писателя для детей и юношества.

Ключевые слова: литература и краеведение, научно-художественная книга, образы природы, пейзажная живопись, литературная традиция.

И.Д. Сазанов (1876–1933) вошел в литературу начала XX в. как автор самобытных донских рассказов и тонкой психологической прозы, близкой неореалистической поэтике Серебряного века. Однако лишь недавно удалось определить место незаслуженно забытого писателя в литературном процессе рубежа веков и вернуть его лучшие дореволюционные произведения современному читателю [3; 9]. По-

слеокаябрьский период творчества Сазанова, хронологически равный дореволюционной части литературной биографии писателя, еще не был предметом специального научного исследования. И дело не только в том, что постоянный автор журнала «Русское богатство», редактируемого В. Короленко, литературный единомышленник Ф. Крюкова, возглавлявшего демократическое крыло донской словесности, был лишен возможности печататься в советских литературных изданиях. В новой общественно-исторической ситуации утратили актуальность те проблемы, которые волновали его героев — донских казаков и обитателей захолустных волжских городков. Большая часть сохранившихся рукописных текстов и немногочисленные публикации этого периода свидетельствуют о поисках писателем своего места в советской литературе. На первый план в них выходит проблема «человек и природа».

Уже в первых донских рассказах Сазанова, увидевших свет на страницах «Русского богатства», проявилась такая черта его литературного таланта, как умение создавать яркие художественные картины родной природы. Образы неохватной глазом степной дали, «суровых курганов, истомленных и уставших от горячей ласки солнца», маленьких степных «речек-ключевок» с их «чистой, как хрусталь» водой, «ярко-зеленых» озер-ильменей, поросших кугой и камышом, «спокойного и блестящего, как серебро, широкого Дона» (рассказ «В пути») становятся неотъемлемой частью произведений писателя о жизни казачества. Картины повседневного быта хуторян и станичников насыщены богатством красок, звуков, запахов и опозтированы. Когда герой рассказа «Дома» возвращался с военной службы, он видел, как «купались в золоте косматые янтарные вербы, рделся за хутором на горе кровавый вишенник, а вдали струились хрустальные дворцы-миражи и дрожащей волной уплывали в высокое, прозрачное небо» [10, с. 38]. Эти пейзажи созвучны внутреннему состоянию персонажа, его душевному настрою от встречи с родными людьми и родной природой: «Это была сказочная страна, лишенная резких зеленых тонов, где в красивой, печальной гармонии, легко и покорно, замирала земля и дышала в небо тонким ароматом лежалых листьев и утренних рос; где в душу просились и бодрость, и тихая грусть... Вот оно, о чем он тосковал и мечтал четыре года!...» [Там же, с. 39]. Не менее выразительные картины природы встречаются в повествовании о драматических событиях в жизни сазановских героев.

Эти рассказы, отразившие острые социальные и нравственные конфликты в жизни дореволюционного казачества, упрочили литературную репутацию Сазанова не только как знатока казачьего быта и речи, но и как талантливого живописца донской природы.

Если детство и юность писателя были связаны с природой донских мест, то большая часть его взрослой жизни протекала на волжских берегах. Вероятно, поэтому междуречье Дона и Волги предопределило топографию произведений Сазанова. Любовь к родной природе и глубинное знание ее особенностей позволили писателю — после целого ряда безуспешных попыток вписаться в литературный процесс послереволюционной эпохи — вернуться к читателю. Но это был читатель совсем иного типа, нежели во времена «Русского богатства». Известный в прошлом литератор и педагог с тридцатилетним стажем, Сазанов во второй половине 1920-х гг. стал востребован как автор произведений краеведческого характера для детей и юношества.

Это время не случайно называют «золотым десятилетием» советского краеведения [13]. В 1922 г. было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК) при Российской академии наук, позднее переданное в ведение Главнауки Наркомпроса. Председателем ЦБК в 1922–1927 гг. был непреременный секретарь АН академик С. Ф. Ольденбург. Большой вклад в развитие отечественного краеведения в это время внесли также академики М.М. Богословский, Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, А.Е. Ферман; члены-корреспонденты М.Н. Покровский, А.Н. Самойлович, Ю.М. Шокальский; известные ученые Н.П. Анциферов, Б.Б. Веселовский, И.М. Гревс и др. [11].

Главные цели и задачи, стоявшие перед краеведением, сформулировали его ведущие теоретики. В конце 1924 г. И. М. Гревс писал: «Краеведение — один из самых действенных органов развития просвещения в широких массах, это дело вызывает интерес, труд и вдохновение, оно поднимает и организует силы. Это совсем естественно и очень отградно в стране, переживающей жестокий кризис» [Там же, с. 535].

Развитие научного краеведения оказало существенное влияние на литературу первых послеоктябрьских десятилетий. Образы родной природы, или, по выражению Андрея Платонова, «детской родины», ее географические и природно-климатические особенности, историческое прошлое, этнографические и топонимические реалии, местные говоры и фольклорные традиции во многом определили идейно-художественное своеобразие произве-

дений Л. Добычина, С. Клычкова, Б. Пильняка, А. Платонова, М. Пришвина и других писателей 1920–1930-х гг. Это «единственный период в отечественном литературном процессе, когда краеведение становится его неотъемлемой частью, когда хромотопическая образность наполняется краеведческим историко-культурным содержанием» [5, с. 5]. При Всероссийском союзе писателей была организована секция писателей-краеведов. Начался приток в краеведческую литературу известных революционных художников слова. Особенно показательна в этом плане литературная биография М.М. Пришвина.

Весной 1925 г. он получил из Ярославской губернии от директора Переславского музея М.И. Смирнова приглашение на должность заведующего фенологическими наблюдениями на детской биостанции, которую планировалось создать на горе Гремяч, в бывшей усадьбе Петра I «Ботик», расположенной недалеко от железнодорожной станции Берендеево. Ее название очень понравилось Пришвину, и с тех пор он стал называть себя Берендеем. Здесь писатель прожил почти год – с ранней весны до поздней осени 1925 г. Каждый день он ходил по окрестностям Переславля, знакомился с их озерами и лесами, общался с местными жителями – охотниками, рыбаками, знатоками края. В мае 1925 г. писатель в составе научной экспедиции Переславского краеведческого музея совершил увлекательное путешествие по реке Вексе, озеру Сомину, рекам Нерли и Кубре. Участники экспедиции собрали коллекции насекомых, богатый этнографический материал, открыли стоянки первобытных людей [4]. По впечатлениям этого периода была написана книга «Родники Берендея», опубликованная в журнале «Красная новь» в 1925 г. с подзаголовком «Заметки фенолога с биостанции Ботик». Вскоре книга вышла отдельным изданием, а затем многократно переиздавалась под заглавием «Календарь природы». Она имела большой читательский успех. В то же время Н.П. Анциферов, отмечая несомненные художественные достоинства книги, выразил сомнение в ее научной достоверности, т. к. беллетрист-краевед «должен взять на себя определенные обязательности: подчинить свое творчество научной правдивости» [1, с. 45].

Существенное влияние на развитие краеведческого движения оказало изменение подхода государственной власти к науке и просвещению. На XIII Всероссийском съезде Советов, проходившем в апреле 1927 г., был заслушан доклад Наркомпроса, с которым выступил А.В. Луначарский. В резолюции съез-

да было отмечено, что общий уровень образования не соответствует задачам индустриализации, поэтому съезд одобрил решение правительства о включении в общий план индустриализации страны также и плана развития народного просвещения [11]. Вскоре Наркомпрос направил в исполкомы местных Советов циркулярное письмо, в котором предлагалось развивать сеть краеведческих организаций путем создания фабричных, заводских и сельских краеведческих обществ, ячеек, музеев, библиотек [Там же]. В стране было создано более 2 тыс. краеведческих обществ.

В Саратове под общей редакцией методиста Е.И. Перовского начала выходить «Краеведческая библиотечка школьника первой ступени Нижнего Поволжья». Для реализации этого научно-просветительского проекта Перовский привлек саратовских педагогов и краеведов. В их числе оказался и Сазанов. После долгих лет литературного безмолвия у него появилась возможность увидеть свои произведения в печати. Первым из них стал рассказ «Яблоки и гужи», опубликованный в сборнике для учащихся школ с сельскохозяйственной профориентацией. В автобиографии 1932 г. писатель сообщает о своем участии и в других краеведческих изданиях для школьников (сборники «Маленьким Волгарям», «Юным ленинцам», «Юным колхозникам») [9].

Однако самой большой удачей стало для писателя заключение в 1929 г. договора с Госиздатом РСФСР «об издании его произведений / учебных пособий». Согласно договору, в Москве в 1930 г. вышли две иллюстрированные книги рассказов писателя для школ I ступени – «Враги наших полей» и «С удочкой по рекам и озерам Нижневолжского края». В основе сюжета сборника рассказов для юношества «На плотях» (1932), рукопись которого сохранилась в архиве Сазанова, лежит полное приключений путешествие тринадцатилетнего мальчика Павлуши с плотогонами от верховьев Волги до Сталинграда. Путешествие на плоту по реке — один из самых популярных сюжетных хромотопов детской литературы: от «Приключений Гекльберри Финна» Марка Твена до автобиографической повести В.П. Астафьева «Перевал», герой которой десятилетний мальчик Ильяка прибывает к плотовщикам, сплавающим лес по сибирской реке Маре. В жанровом отношении неизданная книга писателя близка к чрезвычайно востребованным на рубеже 1920–1930-х гг. научно-художественным книгам о профессиях для детей и юношества. Сборник рассказов Сазанова, вероятно, создавался в надежде на его публикацию

в составе «Краеведческой библиотечки школьника первой ступени Нижнего Поволжья». Этими произведениями открывался новый этап в творческой биографии писателя.

Книга Сазанова «С удочкой по рекам и озерам Нижневолжского края» – вовсе не руководство для юного рыболова-любителя, как можно подумать, ориентируясь лишь на его название и иллюстрации с изображением рыб разных пород. Структурным ее прототипом были знаменитые «Записки об ужении рыбы» С.Т. Аксакова, являвшиеся классическим образцом научно-художественной литературы. Они сопровождалась полнотипажами обитателей рек и озер, подобранными известным русским естествоиспытателем К.Ф. Рулье. В сборнике Сазанова рассказы о ловле рыб также сопровождаются их полнотипажами, дополненными изображениями черепахи и цапли, а также графическими рисунками, отражающими кульминационные моменты рыбацких приключений главного героя. Показательно, что при неизбежном сходстве рыбных полнотипажей, в словесных «портретах» одних и тех же рыб мы наблюдаем и некоторые различия. Для Аксакова как писателя-натуралиста важно не только дать их подробную и достоверную характеристику, но и оценить их взглядом художника: «Сазан очень красивая рыба, достигающая пудового веса». В этом проявляется, по точному замечанию А.В. Чичерина, «двойная природа художественного вкуса и образа» автора «Записок»: филологическая и естествонаучная [12, с. 141]. Описывая облик и промысловые достоинства рыбы, он не забывает передать читателю и свое восхищение ее обликом: «Сазан очень красив: он покрыт необыкновенно крупною, темно-желто-золотистою чешуей. <...> Он довольно широк <...> около краев рта имеет два толстые, короткие и мягкие уса, оканчивающиеся кругловатыми и плоскими головками» [2, с. 101]. Ср. у Сазанова: «Сазан несоразмерно толст, золотисто-белого цвета, с крупной, по двугривенному, чешуей, сверкающей, как зеркало. Короткий, сильный хвост отликает красным, такие же красноватые и боковые плавники. На мягкой нижней губе болтаются четыре нежных коротеньких усика» [8, с. 12]. Однако, помимо изложения точной естествонаучной информации, писатель ставит перед собой иные, чем автор «Записок», задачи. Ему важно показать не только впечатление, произведенное на мальчика впервые пойманной рыбой, но и его душевное состояние: «Миша усаживается на корточки и с жалостью, к которой примешивается острое любопытство, дол-

го следит, как возится и бурлит водой немой пленник, обманутый минутной надеждой уйти на свободу, в родимую, холодную и тихую глубь» [Там же, с. 13]. Описания рыб даны глазами юного героя, и в них сохраняется тот же аксаковский принцип стилистической двойственности, сочетающий точные приметы рыбы породы с ее эстетической оценкой: «Это была очень красивая рыба с синим хвостом и розовыми плавниками...» [Там же, с. 70].

Иными словами, небольшая краеведческая книжка Сазанова может быть рассмотрена как художественная проза, в центре которой образ двенадцатилетнего мальчика Миши, открывающего для себя притягательный мир сначала донской, а затем волжской природы во всем многообразии ее речных и озерных богатств. Выдвижение в качестве главного персонажа не умудренного жизнью опытного рыболова, а юного героя отсылает читателя к другому, не менее значимому для русской литературы произведению С.Т. Аксакова – его книге «Детские годы Багрова-внука». Сазанов, как и его литературный предшественник, предназначает рыбацкие истории своего двенадцатилетнего персонажа для его сверстников. На читателя именно этого возраста ориентировался и автор «Детских годов Багрова-внука». В письме к И.С. Тургеневу, рассказывая о работе над ними, Аксаков подчеркивал, что пишет «книгу для детей, разумеется, не маленьких, а таких, которым около 12-ти лет» [2, с. 622–623].

Книга Сазанова состоит из семи рассказов, объединенных темой и образом главного героя. Действие четырех первых («На Дону», «На горбылей», «Пусть живут», «На шук») происходит на донских берегах, трех последних («Новые места – новые люди», «На Волге», «В заволжских озерах») – на Волге. К навыкам и секретам рыбной ловли мальчика приобщают взрослые – лучший «рыболов на всю округу» Юфим-гармонист и отец Миши. Юфим, например, подобно автору «Записок», учит, как делать самые прочные лески из конских волос («Эта уж не оборвется и не запутается»), показывает, как подвести к берегу крупную рыбу. Сходную пару учителей мы находим в «Детских годах Багрова-внука». Первые уроки ужения юный аксаковский герой получает от отца, а во всех последующих эпизодах с этим захватившим душу мальчика занятием им руководит дворовый «гувернер» – дядька Ефрем Евсеич. Радостью от первой пойманной рыбы оба юных персонажа спешат поделиться с матерью. В книге Сазанова можно обнаружить и другие переклички с Аксаковым. Но важнее отметить объединяющее обо-

их писателей отношение их молодых героев к природе и тем, кто с ней близок.

Персонажи Аксакова и Сазанова сталкиваются в процессе своих походов в природу с самыми разными людьми. И почти в каждом из них открывается для ребенка что-то новое, какая-то своя жизненная история. Таковы у Сазанова колоритные образы старых донских рыболовов Полубреха и глухого деда Калгана, волжских любителей рыбной ловли – рано повзрослевшего подростка Юшки-Чижика, флегматичного украинца Юрченко, угрюмого счетовода Евсюка, многодетного дьячка, «спасающегося» на Волге от тычков суровой супруги, история которого разворачивается в отдельный комический сюжет. Сюжетная интрига этих рассказов Сазанова строится таким образом, что их юный герой не только обретает новые навыки и приемы рыбной ловли, но и учится понимать людей и природу. Перевод отца-агронома с Дона на Волгу, в большое село Алексеевка, позволяет мальчику сравнить донскую природу с волжскими просторами. Сазановские пейзажи не только поэтичны, но и предельно конкретны. В них отражается все многообразие местной флоры и фауны. Миша узнает донское наименование окуня – «чикомас» [8, с. 47], замечает «мохнатые шапки татарника, широкое стриженое займище с бугристыми кустами терновника и крушины», видит, как «шумно перепархивают маленькие камышовки, грациозно покачиваясь на гибких стеблях куги», слышит многозвучный хор птиц: «Ширь-ширь-ширь», – хрипло скрипел в намокших зарослях длинноногий дергач <...> с треском вылетела стайка потревоженных чибисов и закружилась над головами с надрывным плачем: “Чьи вы, чьи вы” <...> где-то на дереве флейтой залилась иволга, задумчиво зажурчали горлинки» [8, с. 74–78].

Как и аксаковский «внук», мальчик не любит природу, а живет в ней, ощущая себя ее частью. Его отношение к природе гуманистично. Азарт рыболова и охотника не заглушает в сазановских героях других человеческих чувств. Семен из дореволюционного рассказа «Дома» вспоминает, как, увидев глаза раненой утки с мольбой о спасении, не смог добить ее и пустил на середину озера. В рассказе «Пусть живут» Миша вместе с Юхимом перетаскивают из пересыхающего озера на чистую воду задыхающихся горбылей: «острое чувство жалости больно защемило его сердце... Вспыхнув вдруг весь острым желанием спасти умирающую рыбу, он выхватил у Юфима сачок» [Там же, с. 32].

Следует отметить еще одну важную особенность сазановской прозы для детей и юношества – погружение читателей в стихию народного языка. Гибкость и богатство донской речи, присущее Юфиму и его землякам, своеобразный говор волжан неотделимы для юного героя Сазанова от их уроков рыбной ловли, от окружающей его природы.

Рассказ Сазанова «На шук» еще до выхода его книги стал известен составителю первого литературно-художественного альманаха о рыбной ловле «Рыбьи тропы» (М.: Моск. т-во писателей, 1929) писателю М.И. Волкову (1886–1947). В его архиве сохранился рукописный текст этого рассказа, который он планировал включить в свой альманах наряду с отрывками из «Записок об ужении» С.Т. Аксакова, повести А.П. Чехова «Степь», рассказом М.М. Пришвина «Щучий бой» и целым рядом других произведений русских и советских писателей на рыболовную тему. Несомненно, что составителя привлекла в новой прозе Сазанова не только тема, но и уровень ее художественного воплощения, позволивший поставить рассказ писателя в один литературный ряд с классиками русской литературы.

Вторая краеведческая книга Сазанова – «Враги наших полей» – значительно отличается от предыдущей не только меньшим объемом. Ее название, в отличие от незатейливого и элегического заголовка первой, отсылает читателя к суровой эпохе Гражданской войны и непрекращающихся после нее идеологических кампаний по борьбе с «врагами народа». Однако речь в ней идет всего лишь о борьбе с сусликами и саранчой, наносящими большой урон местным земледельцам. Книга состоит из двух частей: «Суслик» и «Саранча». И это не сухое изложение естественнонаучного материала для школьников, сопровождаемое графическими иллюстрациями, а небольшие повести, в центре которых находится конфликт человека с природой, подчас принимающий крайне жестокие формы. Их главной темой является борьба с вредителями сельского хозяйства до полного их уничтожения. Подробно описаны и способы этой борьбы, как традиционные, так и современные — от заливания суслиных нор до травли животных удушливыми газами, от отгона туч саранчи дымом и громким коллективным стуком по металлическим предметам до сжигания ее личинок керосином и опыления зараженных полей ядохимикатами с аэропланов. Завершается каждая часть книги справкой о том, какой именно ущерб нанесли эти вредители нижеволжским земледельцам. Если саранча описана как движимая природ-

ным инстинктом слепая биологическая масса, угрожающая существованию растительного мира природы и человека, то образ суслика у Сазанова индивидуализирован. Жизнь молодого суслика прослежена от юности до смерти. Сазанов не только описывает образ жизни животного, но и заставляет читателя проникнуться его интересами и ощущениями.

Безымянный герой писателя отличается от своих сородичей необычайной смелостью и находчивостью, спасающих его от коршунов, собак и людей. Иными словами, он входит в литературную галерею «животные-герои», начало которой в литературе XX в. было положено американским писателем Э. Сетон-Томпсоном (1860–1946), которому многим, по собственному признанию, был обязан в своих произведениях о животных Р. Киплинг. Книги Сетона-Томпсона были чрезвычайно популярны в России. Уже в 1910 г. издатель И.Д. Сытин выпустил собрание его сочинений в десяти томах. В первое послереволюционное десятилетие произведения писателя, в том числе знаменитая книга «Животные-герои», не раз издавались в новых переводах. Ее персонажи благодаря своим личным качествам выходят победителями в суровой борьбе с охотниками, природой, более сильными и опасными зверями и птицами и этим вызывают восхищение читателей. Влияние Сетона-Томпсона на русскую литературу о животных и природе, и особенно на детскую литературу 1920–1930-х гг., было весьма заметным. Своеобразный «героизм» животных мы находим в произведениях В.В. Бианки («Мышонок Пик»), Б.С. Житкова («Мангуста»), в целом ряде рассказов М.М. Пришвина и других детских писателей этого времени. В сазановской повести о суслике есть определенное сюжетное сходство с первой частью рассказа Сетона-Томпсона 1905 г. «Джек – Боевой Конёк. История кролика» (“Little Warhorse: The history of a Jack-rabbit”), героем которой является умный, отважный и выносливый дикий кролик.

Оба персонажа выделяются среди своих собратьев не только выдающимися качествами, но и необычной окраской. Сетон-Томпсон любит своим персонажем: «Боевой Конёк, серый, когда сидел в гнезде, сверкал, как уголь и снег, когда бросив вызов лисице или койоту, без труда уносился от них — сперва пестрым кроликом, затем белым пятном и, наконец, белой пушилкой, окончательно теряющейся в пространстве» [6, с. 140]. И Сазанов рисует своего героя с явной симпатией: «Это был довольно красивый зверек, несмотря на то, что он сильно похудел за зиму. Величиной

он был с небольшого котенка и весь покрыт мягким мехом сероватого цвета с маленькими золотистыми крапинками. <...> Особенно красива было у него головка: круглая с выпуклым лбом, прямым носиком и маленькими круглыми ушами. Ниже ушей блестели совершенно черные, большие и умные глаза. Только верхняя усатая губа немного портила картину: она была сильно раздвоена и не закрывала резцов, которые белыми узенькими долотцами торчали сверху и снизу» [7, с. 7–8]. В животном мире их главными врагами являются собаки, которых и кролику, и суслику удается провести.

Однако самым страшным для них является сражение с людьми. В обоих произведениях есть сцены массового убийства этих животных. Американские фермеры, чьи уголья опустошали расплодившиеся кролики, «задумали грандиозную облаву» на них. В ней участвовало все местное население, включая мальчиков, вооруженное длинными палками, камнями, трещотками и охотничьими рогами: «Облава сметала кроликов в кучу, словно метла. <...> Кролики очутились в западне. Люди прибавили шагу, десятками убивая слишком близко подбегавших к ним зверьков. Земля была усеяна их трупиками, но число кроликов, казалось, все возрастало <...> четыре с лишним тысячи были беспощадно истреблены» [6, с. 143–144]. Сазанов рисует не менее кровавые сцены: «Если бы наш суслик мог в это время выйти из норы, пред ним представилась бы страшная картина. Весь косогор пестрел народом. Ребятишки с собаками бегали от норы к норе. <...> Журча лилась в норы вода. Испуганные, дрожащие суслики <...> в панике торопливо лезли вверх и попадали в стальные зубы собак или под окровавленные дубинки ребятишек» [7, с. 12]. Натурализм этих жестоких сцен не только усиливает драматизм повествования, но и обнажает непримиримость конфликта людей с миром дикой природы, поэтические пейзажи которой являют собой резкий контраст с картинами массового уничтожения животных-вредителей. И кролик, и суслик на сей раз смогли избежать гибели благодаря своему уму: Джек понял, где искать безопасное место, суслик закрыл своим телом вход в нору и сдержал напор воды.

Но если в финале повествования о Боевом Коньке герой после долгих испытаний обретает свободу, то сазановский суслик гибнет от человеческого изобретения, ставшего применяться как оружие массового поражения в Первой мировой войне, – ядовитого газа. Драматический рассказ Сазанова завершается, как того требовала учебная литература для сель-

ских школьников, сухой агротехнической инструкцией: «При огромном же распространении сусликов самым лучшим способом борьбы является описанный в этом рассказе способ затравливания нор ядовитыми химическими веществами» [7, с. 27]. Вряд ли она могла стать руководством к действию для юных читателей, успевших проникнуться симпатией и сочувствием к сазановскому герою.

Совсем иначе построена вторая часть книги, посвященная описанию «боевых действий» против саранчи. Как было замечено выше, саранча предстает здесь в качестве безликой биологической массы, несущей страшное опустошение всему растительному миру природы и, прежде всего, плодам крестьянского труда. Сплотившиеся для борьбы с ней люди, напротив, индивидуализированы. Их портреты рисуются в той же стилистической манере, что и персонажи дореволюционных донских рассказов писателя. Сазанов с первых строк погружает своего нового читателя в атмосферу жизни казачьего хутора: «Утро было яркое и тихое. Хутор мирно курился высокими трубами, и пахучий дым кизяка косыми полосами таял над огородами» [Там же, с. 28]. Заслонившая солнце сплошная туча саранчи заставляет всех хуторян – от молодухи Глаши до горбатого старика Цуркана – подняться на ее отгон от гумен и садов. Казаки прибегли к традиционным народным способам отпугивания саранчи – дымом от костров и громкими звуками: «С колокольни посыпались дробные удары набата. <...> Загремели тазы и пустые ведра, зазвенели заслонки. Кто-то оглушительно бухал ухватом в самоварную трубу» [Там же, с. 30]. Игнат Полосатый, у которого «был лучший на хуторе сад», стрелял в саранчу из ружья. Писатель воспроизводит здесь ритуальный обряд изгнания «нечистых» насекомых, широко распространенный в традиционной народной культуре. Им руководит старый казак Цуркан, помнивший, как у него саранча «изрешетила <...> в 85-м году <...> новые шаровары», висевшие на плетне [Там же]. Общими усилиями тучу саранчи удается завернуть на бахчи, находящиеся в двух километрах от хутора. Казаки устремились следом за ней и до самой ночи были заняты ее истреблением: «Люди яростно били саранчу лопатами, метлами, цепами, с отвратительным хрустом давили ногами. Ездили на телегах и колеса вязли в сером месиве» [Там же, с. 35]. Бахча была уничтожена, но хуторские гумна, сады и огороды спасены.

Уничтожив бахчи, саранча отложила в землю свои яички, из которых следующей вес-

ной вылезла молодая «пешая» саранча, не менее прожорливая, чем взрослая. И вновь старый Цуркан поднимает односельчан на борьбу с ней. На бахчах выкапывают «две длинные в полкилометра канавы, сходящиеся под прямым углом. На дно покидали немного соломки, политой керосином. Потом, охватив саранчу сплошным кольцом, погнали ее в канавы метлами и вениками» [Там же, с. 38], а затем, закидав сверху соломой, подожгли. Молодой казак, подшучивая над Цурканом, предлагает ему снять пробу: «Говорят, какой-то народ в Египтах ест эту самую жареную саранчу» [Там же, с. 35]. Египет здесь помянут не случайно. В обращенном виде Сазанов отсылает читателя своего краеведческого рассказа и к библейской истории о десяти «казнях египетских», в число которых входило нашествие саранчи, и к житийным легендам о древних христианских подвижниках, питавшихся в египетской пустыне акридами.

В следующей главе автор переносит своих героев в современность: жители хутора становятся свидетелями новых способов борьбы с «пешей» саранчой путем распыления химикатов с аэропланов. Характерно, что на смену индивидуализированным персонажам предыдущих глав приходит толпа, которая при виде аэропланов «заволновалась, одобрительно загудела и замахала шапками» [7, с. 42]. На этом и завершается сюжет нового донского рассказа Сазанова. Заключительная его глава является естественнонаучным послесловием к теме борьбы с саранчой в Нижнем Поволжье.

Такова была специфика краеведческой прозы писателя, которая позволила ему вернуться в литературу, обрести современного читателя. Сазанова с полным правом можно назвать одним из создателей нового жанра советской детской литературы – научно-художественной книги для юношества. Раскрывая отношения человека с миром живой природы, писатель, с одной стороны, продолжает гуманистические традиции русской классической литературы, а с другой –вольно или невольно вписывается в историко-литературный контекст 1920–1930-х гг., во-бравший в себя кровавый опыт революции, мировой и гражданской войн, пафос ожесточенной борьбы за переустройство природы и человека.

Литература

1. Анциферов Н.П. Беллетристика-краеведы (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой) // Краеведение. 1927. № 1. С. 31–46.

2. Аксаков С.Т. Собрание сочинений : в 4 т. М. : ГИХЛ, 1955. Т. 1.

3. Бирючева Е.С. Творчество И.Д. Сазанова в контексте русской литературы конца XIX– начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.

4. Ершов И.Н. Михаил Пришвин и российская археология. М. : Ин-т археологии РАН, 2012.

5. Московская Д.С. Локально-исторический метод в литературоведении Н.П. Анциферова и русская литература 1920–1930-х гг. (Проблемы взаимосвязи краеведения и художественной литературы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.

6. Сетон-Томпсон Э. Животные-герои / пер. с англ. Н. Чуковского и А. Макаровой. М. : Моск. рабочий, 1986.

7. Сазанов Ив. Враги наших полей. М. – Л. : Госиздат, 1930.

8. Сазанов Ив. С удочкой по рекам и озерам Нижневолжского края. М. – Л. : Госиздат, 1930.

9. Сазанов И.Д. Автобиография. Автобиблиография // Рос. гос. архив литературы и искусства. Ф. 466. Оп. 1. Д. 20.

10. Сазанов И.Д. Избранное / науч. ред., сост., вступ. ст. А.Х. Гольденберга ; подгот. текстов, коммент. Е.С. Бирючевой. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

11. Соболев В.С. Академия наук и краеведческое движение // Вестн. РАН. 2000. Т.70. №6. С. 535–541.

12. Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля. М. : Худож. лит., 1985.

13. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. 1990. Вып. 1. С. 11–27.

* * *

1. Antsiferov N.P. Belletristiyi-kraevedyi (Vopros o svyazi kraevedeniya s hudozhestvennoy literaturoy) // Kraevedenie. 1927. № 1. S. 31–46.

2. Aksakov S.T. Sobranie sochineniy : v 4 t. M. : GINL, 1955. T. 1.

3. Biryucheva E.S. Tvorchestvo I.D. Sazanova v kontekste russkoy literatury i kontsa XIX– nachala XX veka : dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2012.

4. Ershov I.N. Mihail Prishvin i rossiyskaya arheologiya. M. : In-t arheologii RAN, 2012.

5. Moskovskaya D.S. Lokalno-istoricheskiy metod v literaturovedenii N.P. Antsiferova i russkaya literatura 1920–1930 gg. (Problemyi vzaimosvyazi kraevedeniya i hudozhestvennoy literatury) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2010.

6. Seton-Tompson E. Zhivotnyie-geroi / per. s angl. N. Chukovskogo i A. Makarovoy. M. : Mosk. rabochiy, 1986.

7. Sazanov Iv. Vragi nashih poley. M. – L. : Gosizdat, 1930.

8. Sazanov Iv. S udochkoy po rekam i ozeram Nizhnivolzhskogo kraya. M. – L. : Gosizdat, 1930.

9. Sazanov I.D. Avtobiografiya. Avtobiografiya // Ros. gos. arhiv literatury i iskusstva. F. 466. Op. 1. D. 20.

10. Sazanov I.D. Izbrannoe / nauch. red., sost., vstup. st. A.H. Goldenberga ; podgot. tekstov, komment. E.S. Biryuchevoy. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013.

11. Sobolev V.S. Akademiya nauk i kraevedcheskoe dvizhenie // Vestn. RAN. 2000. T.70. №6. S. 535–541.

12. Chicherin A.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya. M. : Hudozh. lit., 1985.

13. Shmidt S.O. «Zolotoe desyatiletie» sovetskogo kraevedeniya // Otechestvo. 1990. Vyip. 1. S. 11–27.

Man and nature in the creative work by I.D. Sazanov of the 1920–1930s

There is considered the issue “man and nature” as the dominant of the work by I.D. Sazanov of the 1920–1930s. There is analyzed the literature specificity of the writer’s scientific and fiction works for children and young people.

Key words: literature and local history, scientific and fiction work, images of nature, landscape painting, literary tradition.

(Статья поступила в редакцию 23.06.2014)

О.Н. СКЛЯРОВ
(Москва)

К ВОПРОСУ О НОВОМ ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX В. (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Рассматривается специфика литературного неотредиционализма как неклассической разновидности взаимодействия с культурной традицией. Акцент делается не на частных моментах творческого соприкосновения с «чужим словом», а на общей аксиологической мотивации обращения к наследию предшественников.

Ключевые слова: традиция, интертекстуальность, аксиология, классическое, неклассическое, «пушкинская парадигма», традиционализм, авангард, неотрадиционализм.

Современная литературоведческая наука в целом склонна исходить из того, что привычная для многих и весьма популярная в недавнем прошлом дихотомическая схе-